

DOI: 10.23681/500150

А. А. Пауткин

**О РИТОРИКО-ДИДАКТИЧЕСКОЙ ПРИРОДЕ
ПОКАЯННОЙ РЕЧИ ИГОРЯ СВЯТОСЛАВИЧА
В ЛЕТОПИСНОЙ СТАТЬЕ 6693 г.**

Аннотация: В статье анализируется покаянная речь Игоря Святославича, читающаяся в составе Киевской летописи под 1185 г. Рассматриваются семантика и роль этого текста в структуре южнорусской летописной повести. Особое внимание уделено риторическим приемам создателя оригинального ораторского произведения, инкорпорированного сводчиком в историческое повествование о поражении новгород-северского князя.

Ключевые слова: Киевская летопись, воинская повесть, поход 1185 г., Игорь Святославич, покаянная речь, риторика, ораторское искусство Древней Руси.

A. A. Pautkin

**ON THE RHETORICAL-DIDACTIC NATURE OF IGOR
SVYATOSLAVICH'S PENITENTIAL SPEECH
IN THE CHRONICLE ENTRY FOR 6693**

Abstract: The paper analyzes Igor Svyatoslavich's penitential speech, recorded in the 1185 entry of the Kiev chronicle, dealing with the semantics of this text and its role in the structure of the Southern Russian chronicle story. Special attention is given to the rhetorical techniques used by author of the original piece of oratory, incorporated by the compiler into historical narrative on the defeat of the Novgorod-Seversky prince.

Keywords: Kiev chronicle, military tale, the campaign of 1185, Igor Svyatoslavich, penitential speech, rhetoric, Old Russian oratory.

Летопись открыта для проникновения разнообразных повествовательных форм. Она может рассматриваться как своеобразная модель всей древнерусской литературы. Особенно это касается раннего этапа развития летописания. В лоне синтетического жанра шел процесс становления и постепенного закрепления

принципов и приемов отражения событий и обработки источников, попадавших в сферу внимания летописца. Не стали исключением в этом плане и произведения красноречия, включаемые по тем или иным причинам в погодное историческое повествование.

Наиболее яркими примерами прямого обращения летописцев к ораторской прозе в южнорусской традиции являются похвальное слово Рюрику Ростиславичу игумена Выдубицкого монастыря Моисея, вошедшее в состав так называемой Киевской летописи 1198 г.¹, и пространные фрагменты «Слова о Законе и Благодати» митрополита Илариона, использованные во-лынским летописцем конца XIII в. в некрологической похвале князю Владимиру Васильковичу². Эти выдающиеся ораторские произведения становились частью летописного свода по прошествии различного времени с момента их первоначального произнесения и по-разному обрабатывались составителями. В результате первоначальный смысл и функция торжественной речи (или ее фрагмента), прозвучавшей в конкретной ситуации, трансформировались³.

Помимо подобных фактов сохранения летописью наследия духовных риторов XI–XII вв. заметны иные проявления красноречия, имеющие уже собственно летописное происхождение. Труд летописца допускает использование риторических приемов. Обычно это связано с потребностями создания похвалы или дидактических отступлений от последовательного изложения событий. В Киевской летописи обращает на себя внимание небольшой по объему текст, представляющий собой стройную, изысканную по

¹ Свод, продолжающий Повесть временных лет в Ипатьевской летописи и условно называемый Киевской летописью, традиционно датируется 1198 или 1200 гг. В недавнее время была предпринята попытка по-новому поставить вопрос о датировке Киевской летописи. А. Толочко относит создание летописи ко времени после 1212 г. и связывает ее завершение со смертью Рюрика Ростиславича. Исследователь отталкивается от тезиса: «...полагать, что последняя дата летописи во всех случаях означает завершение работы над ней едва ли оправдано» [22, с. 74].

² Обильное цитирование «Слова» Илариона в Воынской летописи дало основание Л. Мюллеру рассматривать этот фрагмент в качестве особого списка «Слова о Законе и Благодати» [12, с. 372–379].

³ Поэтому, например, речь, игумена Моисея, прославлявшая строительное благодеяние киевского князя, в составе летописи оценивалась исследователями как произведение «замечательное своею ухищренной риторикой и смелого лестию» [30, с. 262] или отличающееся «непомерной лестию князю» [15, с. 129].

форме конструкцию, организованную по всем правилам ораторского искусства. Это покаянная речь новгород-северского князя Игоря Святославича. Южнорусская повесть о походе Ольговичей на половцев в 1185 г. демонстрирует множество примеров передачи устного высказывания, ей свойственна особая живость в фиксировании различных видов речевых актов. Речь Игоря принадлежит к числу высказываний, лишенных всякой аутентичности. В уста потрясенного поражением князя вложен трехчастный монолог, до предела насыщенный сменяющимися друг друга тропами и фигурами¹. Объем речи контрастирует с высокой риторической напряженностью этого летописного фрагмента. Перед нами – плод литературных усилий талантливого автора, стремившегося не только показать, но и по-своему объяснить произошедшее, насколько это возможно, проникнуть в область душевных переживаний предводителя русских дружин. Уже К. Бестужев-Рюмин усматривал желание книжника «вывести из событий... нравственное поучение» [1, с. 112]. А. А. Горский, говоря об особенно внимательном отношении летописцев южной и северо-восточной Руси к событиям весны 1185 г., справедливо отмечает в повествовании Киевской летописи выстраивание «смысловой цепочки: грех – казнь – покаяние – прощение» [3, с. 36].

Действительно, покаянной речи отводится важное место в композиции всей повести². Раненый предводитель русских дружин схвачен врагами. Он видит гибель своих воинов и уже не может как-либо повлиять на ход сражения, предотвратить окончательный разгром. Автор заставляет Игоря именно в этот момент вспомнить свои прегрешения, неблагоприятные поступки в ходе междоусобиц. Новгород-северский князь сам называет причины обрушившихся на него несчастий, раскаивается в содеянном и тем самым смиряет свою гордыню. На пороге неизвестности, плена и «нечистого» мира Игорь говорит о божественной каре, постигшей его в половецких степях. Но в этом раскаянии летописец видит и залог грядущих перемен в судьбе героя. На протяжении летописного рассказа двенадцать раз передаются слова новгород-северского князя. Все они по-своему эмоциональны, но нигде не демонстрируется подобного разнообразия приемов. В речи Игоря нет

¹ В свое время И. П. Еремин отмечал, что «монолог Игоря построен по всем правилам агиографической риторики» [5, с. 94].

² Особое положение монолога Игоря в структуре рассказа о походе 1185 г. уже давно отмечалось медиевистами. См., например: [5, с. 94; 16, с. 184].

ничего случайного. Каждый ее элемент значим и достоин толкования. Можно утверждать, что именно эта часть южнорусской повести является выражением авторской позиции составителя. Здесь содержится провиденциальное объяснение поражения, уникальная и достаточно тенденциозно поданная информация о недавних поступках предводителя Ольговичей. В речи связывается прошлое и настоящее («*помянухъ*» – «*и се нынѣ*»). Подобная формула нередко встречается в ораторских произведениях как элемент символизирующих аналогий.

Что же позволяет рассматривать речь как некий самоценный текст? Своеобразный речевой жест оказывается кульминацией описания рокового похода. Преодоление греха гордыни и самовластия, постижение божественного промысла открывают путь к новой жизни. Мысль о божественной каре проводится в повести еще дважды (рассуждения летописца и краткая реплика князя, находящегося в плену). Близкие к рассматриваемому тексту по общему пафосу, эти фрагменты обладают существенным отличием. В обоих случаях акцент делается, скорее, на военно-политическом аспекте поражения. Бог не хотел порадовать врага победой. («*Б(ог)ъ казна ны грѣхъ ради нашихъ наведе на ны поганыя не аки милоуя ихъ но насъ казна и вбращая ны покаянью*» [18, стб. 648]; «*Азъ по достоянью моему восприяхъ повѣдоу ѡ(т) повеления твоего вл(ады)ко Г(оспод)и а не поганьская дерзость вблони силоу рабъ твоихъ*» [18, стб. 649]. Даже в плену Игорь не осознает себя отверженным христианским миром. Как известно, к нему прибыл священник с причтом, а затеяв побег, по словам летописца, он берет с собой икону и крест.

В покаянной речи все иначе. Возникает мотив исторгнутости князя, не щадившего единоверцев, из христианского мира (трижды говорится о бедах христиан)¹. Бог отвернулся от Игоря, лишил его возможности пострадать, не даровал князю героической гибели, очищающей от прежних грехов. Венец мученичества принимают безвинные жители города Глебова²

¹ Л. В. Соколова подчеркивает, что в интерпретации Киевской летописи, в отличие от северо-восточной версии повествования о походе, Игорь наказан «не за свое высокомерие и легкомысленное поведение <...>, а за те грехи против христиан русских...» [20, с. 97].

² Конкретная локализация города Глебова затруднительна. Обычно его рассматривают как небольшое поселение близ Переяславля Русского. В. М. Истрин однозначно идентифицировал город Глебов с Переяславлем [6, с. 228].

(«**аки мочѣници с(вя)тѣи**» [18, с. 643]) и гибнущие в битве воины. Половцы в речи названы незаконными. Подобное определение больше не встречается ни в самой повести, ни в окружающих ее известиях. Незаконен и сам Игорь. Это не простой риторический прием. Князь уподобляется в нравственном отношении половцам. Обычное обозначение «поганые» тут неуместно. Аналогия требует иных определений.

Отточенность формы покаянной речи – свидетельство ораторских дарований ее создателя. Текст состоит из сменяющих друг друга риторических фигур. Сегодня вызывает удивление, что в одной из своих статей Б. А. Рыбаков невысоко оценивал витийство летописца, который «вложил (не очень удачно) в уста пленнику огромную покаянную речь в стихах»¹ [15, с. 122]. «Церковные идеи и фразеология» этой «искусственной» речи представлялись историку излишними. У современных медиевистов литературные достоинства рассматриваемого фрагмента не вызывают подобных сомнений.

Выражая раскаяние, князь называет все совершенное им при «взятии на щит города Глебова» (т. е. разграблении. – А. П.). Здесь использовано шестикратное перечисление различных видов «разлучений» родных и близких: «**Тогда бо не мало зло подъяша безвиннии хр(ес)тъяни ѡ(т)лочаѣми ѡ(т)ѣць ѡ(т) роженни свои(х) ѡ братѣ ѡ(т) брата друѡѣ ѡ(т) друѡга своего и жены ѡ(т) подроужни своихъ и дщери ѡ(т) м(а)терни своихъ и подроужа ѡ(т) подроужы своея**» [18, стб. 643]². Подчеркивается безвинность страданий именно христиан от рук своих же единоверцев. Здесь проявляется одна из особенностей, на которую в свое время обратил внимание Д. С. Лихачев: «Если для нового времени с его личностным сознанием пленение – это, прежде всего, потеря личной свободы, то для раннеколлективистского сознания XI–XII вв., пленение – это, прежде всего, разлука и одновременно потеря родины» [10, с. 52]. Далее в речи Игоря следует фигура двойного противопоставления – типа катахрезы: «**Живии м(є)рт-**

¹ Исследователь излишне прямолинеен и в характеристике ритмической организации речи.

² В повести о Сandomирском взятии из состава Волынской летописи (под 1261 г.) читается близкое по риторической организации перечислительное описание татарского погрома: «**И бы(сть) п(л)ачь великъ и рыдание мѡужи плахоуѡса свѣрьстнищъ своихъ матери же плахоуѡса чадѣ своихъ братѣ брата**» [18, стб. 854].

вымъ завидать а м(є)ртвини радовахоуѣ аки моученици с(вя)теи
 вгнемь ѡ(т) жизни сея искоушение приемши» [18, стб. 643]. В древнейшей известной на Руси переводной поэтике – статье Георгия Хиробоска «Об образах» из «Изборника» Святослава 1073 г. – этот троп назван «напотребие». Здесь же встречается, говоря словами Хиробоска, «сотворение» (уподобление) – «аки моученици с(вя)теи». Сама по себе эта фигура весьма распространена в памятниках древнерусской литературы. Характерно, что жертвы штурма и разорения города сравниваются со святыми эпохи раннего христианства, принявшими огненную смерть, о которых повествовалось в византийских мартириях.

Затем летописец вновь прибегает к противопоставлению (по возрасту и полу) и одновременно четырехкратному риторическому повтору: «Старцѣ порѣвахоуѣтѣся оуноты же лютыя и нем(и)л(ости)ввыя раны подъяша моужи же пресѣкаеми и расѣкаеми вывають жены же wskвѣрняеми и та вса створивъ азъ»» [18, стб. 643]. Словосочетание ««лютыя и нем(и)л(ости)ввыя раны» и «моужи же пресѣкаеми и расѣкаеми», по терминологии Хиробоска, следует отнести к «изобилию» (т. е. плеоназму). Этот же прием использован во фразе: «Яко много оубииство кровопроли(ти)є створихъ» [18, стб. 643]. Перечисление прошлых деяний Игоря заставляет вспомнить и еще об одном поэтическом приеме – гиперболе. Благодаря нагнетанию ужасных подробностей, картина конкретного военного злодеяния воспринимается как всеобъемлющий образ пагубной междоусобицы. Создатель речи беспощаден к своему герою. Но в этом самообличении кроется авторское сочувствие к наказанному и раскаявшемуся грешнику.

На отдельных образах и самой горестной тональности речи Игоря могло сказаться влияние «Откровения» Мефодия Патарского, апокрифического сочинения, популярного на Руси уже в ранний период христианизации. В пользу такой догадки говорит подобие некоторых риторических фигур (например, парное перечисление страдальцев) и небольшие текстовые соответствия из разных списков: «И тогда начнут живые мертвым завидовати», «и блажити начнутъ м(є)ртвыя» [17, с. 257, 277]. Вероятность обращения летописца к этому памятнику подтверждает половецкая тема повести.

В сообщении «Повести временных лет» о набеге половцев под 1096 г. как раз встречается пространная ссылка на «Откровение». Эсхатологическое «Откровение» способствовало утверждению на Руси так называемой теории казней Божьих, в соответствии с

которой божественная кара насылается на людей за грехи и безудержное самовластие¹. Именно так и понимает причины своих бед Игорь Святославич, покаяясь Божественному суду: «**Се возда ми Г(оспод)ь по базаконню моемоу и по злобѣ моеи на ма и снидоша дн(е)сь грѣси мои на главоу мою истиннѣ Г(оспод)ь и прави соудн е(го) зѣло**» [18, стб. 644]². Кроме того, Л. Е. Махновец, осуществляя перевод текста Ипатьевской летописи на современный украинский язык, указал на использование создателем покаянной речи Псалтири (Пс. 102: 10, 9; Пс. 7: 17; Пс. 118: 137; Пс. 26: 9 или Пс. 50: 13) [31]. Все эти обращения сосредоточены в заключительной третьей части, представляющей собой молитву Игоря. Таким образом, становится очевидной приверженность составителя этого фрагмента повести книжной традиции.

Построенные по всем правилам красноречия, покаянные слова Игоря содержат целую серию риторических вопросов, основанных на анафоре. С их помощью перечисляются утраты в результате поражения, нанесенного Игорю половцами: «**Недостойно ми вѣшетъ жити и се нынѣ вижду ѡ(т) мѣсть ѡ(т) Г(оспод)а Б(ог)а моего гдѣ нынѣ возлюблены мои братѣ гдѣ нынѣ брата моего с(ы)нѣ гдѣ чадо рожения моего гдѣ бояре доумашен гдѣ мѹжи храборствующе и гдѣ радѣ полчѣ ны и гдѣ кони и врѹжѣя многоцѣнная**». [18, стб. 643]. Мир воина, гордящегося устроенностью и совершенством подвластной ему силы, рухнул. Страдает полководец, брат, отец и инициатор похода. Перед нами своеобразная печальная ретроспекция, особенно свойственная уже памятникам трагического XIII в. Список утрат и картина разгрома подчинены строго выстроенной официальной логике. Сегодня трудно представить, чтобы в реальных обстоятельствах отец не сразу вспомнил о «чаде», четырнадцатилетнем отроке, впервые оказавшемся в боевой обстановке. Отцовские чувства здесь не столь важны. Все подчинено этикету, социальной иерархии³. Князья упоминаются в строгой последовательности (от старшего к младшему). Затем идут бояре, простые дружинники, и, наконец, упоминаются ма-

¹ См. об этом: [11, с. 50–61].

² В Лаврентьевской летописи также имеется рассуждение о Божественных карах. Но они гораздо менее «литературны» по форме и исходят от самого книжника, не приписываясь кому-либо из участников событий 1185 г.

³ Ср. в Галицкой летописи под 1221 г.: «**И вса земла поплена вы(сть) воаринѣ воарина плѣни(в)щу смердѣ смерда градѣ града яко же не встатиса ни едином вси плѣнени**» [18, стб. 739].

териальные утраты. Оружие и кони тоже составляют вожденную для кочевников добычу¹.

Игорь готов принять смерть, разделить участь своих воинов. Он признает себя виновником поражения («азъ единъ повинъ-нын»), его раскаяние глубоко и искренне. Заключительные фразы речи, как уже отмечалось, представляют собой молитвенное обращение к Богу: «По вл(ады)ко Г(оспод)и Б(ож)е мои не ѿ(т)ригни мене до конца но яко вола твоя Г(оспод)и тако и м(и)л(ос)ть намъ рабомъ твоимъ» [18, стб. 644]. Да, «все сматено плѣномъ и скорбью», однако остается надежда на прощение и милость вышших сил к раскаявшемуся. Древнерусский книжник подводит читателя к последующим поворотам в судьбе новгород-северского князя. За падением грядет спасение. Так, литературно украшенный монолог удельного князя второй половины XII в. по воле безымянного автора обретает определенное дидактическое начало.

Несмотря на то что речь Игоря не является самостоятельным произведением ораторского искусства, а представляет собой лишь элемент сложной структуры воинского повествования², ее можно рассматривать в контексте ораторской прозы Древней Руси. Трудно ответить на вопрос, был ли создатель этого страстного монолога действительно читателем переводной поэтики Георгия Хиробоска, опирался ли он в своем творчестве на этот свод поэтических фигур. Или же он превзошел науку витийства опосредованно, усваивая на практике приемы известных проповедников.

В свое время И. П. Хрущов, анализируя южнорусское «сказание» о походе Игоря, выделил в нем шестнадцать композиционных частей [25, с. 197–202]. Одну из них исследователь назвал плачем, хотя затем отмечал, что события у города Глебова «излагаются в форме покаянных речей». Говоря о плаче, Хрущов имел

¹ Эта ритмизованная тирада звучит в более поздних списках не столь эффектно. Например, в Хлебн. и Погод. списках уже не упоминаются кони. Позднейшие пропуски и искажения в рассматриваемом тексте могут являться не только обычными ошибками писца. Возможно, к XVI и XVII вв. риторические приемы книжника конца XII в. не воспринимались как нечто достойное особого внимания. Ср., например, утраченное в Хлебн. и Погод. списках словосочетание «и дщери от материн своихъ».

² Применительно к повествованию 1185 г. уже можно говорить об окончательном завершении процесса формирования жанра воинской повести. Интересно, что в речи Игоря использована словесная формула, имеющая дружинное терминологическое значение — «взяти градъ на щить».

в виду прежде всего общую тональность монолога новгород-северского князя. В настоящее время предпринимаются попытки изучения литературной формы плачей в древнерусских текстах, определение их типов и форм, в том числе в составе летописных воинских повестей¹. При этом вложенные летописцем в уста Игоря слова однозначно относятся к жанру плача. Думается, для подобного определения нет достаточных оснований. Излияния потрясенного Игоря, переходящие в молитвословие, весьма конкретны, выполняют вполне определенную функцию, не являясь простой лирической вставкой в воинское повествование.

Данный фрагмент южнорусской повести порождает ряд вопросов, на которые трудно найти однозначные ответы. Так, повесть содержит немало сведений о переяславском княжестве, порубежной земле, более других уязвимой для набегов степняков. Переяславцы здесь страдают и от половцев (героическая оборона города, возглавляемая Владимиром Глебовичем), и в недавнем прошлом от самого Игоря Святославича. Почему преступления, в которых кается Игорь, упомянуты только в его речи, и вообще не нашли своего отражения в других текстах? Причем Игорь говорит о своих злодеяниях именно против переяславцев в явно гиперболизированной форме. У новгород-северского князя имелись и иные прегрешения, достойные сожаления. Помимо нападения вместе с половцами на смоленские земли, на счету еще юного Игоря участие в числе одиннадцати князей во взятии и трехдневном разграблении Киева в 1169 г. («и не бы(сть) помилования никому же» [18, стб. 545]).

Некоторые историки полагали, что не следует преувеличивать ужас киевского разорения. По мнению Б. А. Рыбакова, «представление о катастрофе – лишь результат красочного описания киевского летописца» [16, с. 139]². Но бедствия жителей Глебова в результате действий Игоря переданы куда более красочно и катастрофично.

Если перед нами следы черниговской летописи самого Игоря Святославича, о чем не раз писали историки летописания³, то возникает вопрос: зачем черниговскому книжнику прибегать к преувеличению, излишне очерняющему своего князя? Здесь уместно

¹ См., например: [21, с. 141–149].

² Подобной точки зрения придерживался и П. П. Толочко [23, с. 139].

³ Об истории изучения черниговского летописания как одного из источников Ипатьевской летописи в отечественной науке см.: [28, с. 106–114; 26, с. 158–165].

вспомнить формулировку, принадлежащую М. Д. Приселкову: «Автор смело вкладывает в уста князя Игоря покаянный счет княжеских его преступлений» [19, с. 90]. Какова причина подобной смелости? Едва ли ее могут объяснить простая осведомленность, а также «житейские и психологические детали», известные автору [19, с. 90]. И, наконец, зачем черниговскому летописцу указывать степени родства участников неудачного похода? Они и так ведомы землякам-современникам. Тем не менее, как мы видели, плененные Ольговичи в серии риторических вопросов, построенных на анафоре, названы не по именам, а по степени их родства по отношению к Игорю, чем еще раз подчеркивается «семейственность» рокового похода.

Обычное сопоставление различных известий (прежде всего южнорусских и северо-восточных) в данном случае невозможно. Речь не имеет аналогов, а сведения, в ней содержащиеся, как уже отмечалось, не подтверждаются другими источниками. Уникальная информация о погроме «города Глебова», легшая в основу покаянного монолога, скорее всего, имеет переяславское происхождение.

В свое время А. А. Шахматов, характеризуя состав Ипатьевской летописи, заключил, что «большая часть известий... второй половины XII в. заимствована из Выдубицкой летописи, пристрастной к Рюрику, и в этом смысле переработавшей летописные известия своих первоисточников» [27, с. 573]. В дальнейшем историки летописания неизменно констатировали сложный состав великокняжеского свода игумена Моисея, обобщавшего различные источники уже в период единовластного правления Рюрика Ростиславича в Киеве. Т. Л. Вилкул в связи с поисками влияния хронографических источников на Киевскую летопись называет ее «огромной яркой компиляцией» [2, с. 382]¹.

Б. А. Рыбаков даже предполагал существование целой библиотеки Выдубицкого монастыря, куда входили летописи, создававшиеся при разных княжеских дворах, что, по мысли исследователя, открывало в итоге дорогу к некой объективности исторического

¹ Исследовательница делает вывод: «Судя по всему, использование хронографических текстов обусловило характерные черты Киевского свода: массу диалогов и подробных описаний дипломатических переговоров и военных походов, едва ли не с почасовой фиксацией событий. Во многом именно хронографическим текстам мы обязаны красочному и выразительному изложению Киевской летописи, а также обилию речей и посланий» [2, с. 396–397].

повествования [14, с. 481]. В то же время Рыбаков отмечал «пеструю мозаику языка, стиля, оценок», особенно свойственную изложению второй половины XII в. [15, с. 128]. Опираясь на анализ различных параметров текста, историк в ряде работ создал наиболее подробную и разветвленную концепцию, касающуюся состава и источников Киевской летописи, предложил атрибуции отдельных ее фрагментов. Несмотря на гипотетичность, наблюдения Рыбакова остаются весьма ценными при анализе интересующего нас материала.

По мысли Рыбакова, повесть о походе Игоря, составленная около 1190 г. при дворе Рюрика Ростиславича, находится на стыке известий, относящихся к летописанию Святослава Всеволодовича и Рюрика Ростиславича. Следовательно, возможно взаимодействие различных политических тенденций, отразившихся в этом повествовании, как и во всей статье 6693 г. Историк отмечал, что «Слово о полку Игореве» «целиком на стороне Святослава Всеволодовича и о Рюрике говорит очень мало. Летопись же, наоборот, находилась в сфере влияния Рюрика» [14, с. 494]. Представляя череду летописцев, труды которых отразились в Киевском своде Моисея, Рыбаков не стал связывать создание южнорусской летописной параллели «Слову» с именем Петра Бориславича, а выдвинул гипотезу о помогавшем ему некоем галичанине. Думается, именно покаянная риторика Игоревой речи не соответствовала чертам литературного портрета боярина-летописца.

Если действительно этот и иные предшествующие материалы оказались в руках Моисея, то знаток и ценитель витийства по крайней мере должен был заинтересоваться значительной по форме и смыслу речью новгород-северского неудачника, проявившего покорность Божественной воле и смирившего свою гордыню. Составителю Киевского свода была важна конкретная форма проявления теории казней Божьих, ведь в словах покаяния отразились общественные настроения эпохи. Заметим при этом, что прямых стилистических сближений анализируемого текста с торжественным словом самого Моисея, на наш взгляд, не обнаруживается, хотя соблазн связать составление покаянной речи с деятельностью игумена Выдубицкого монастыря достаточно велик.

В связи с этим нельзя не отметить рассмотрение этого фрагмента Киевской летописи, проведенное В. Ю. Франчук. Используя лингвостилистические методы анализа, она сочла возможным

«вопреки устоявшимся мнениям, приписать авторство молитвы князя Игоря игумену Выдубицкого монастыря Моисею» [24, с. 90]¹.

Показательно, что в летописном рассказе о том, как в 1180 г. Рюрик Ростиславич разбил союзного с Кончаком Игоря, в результате чего почти на пятнадцать лет и возник дуумвират представителей различных княжеских ветвей, установилось политическое равновесие², специально говорится о смирении победителя («Рюрикъ же аче побѣдоу возма нѣ ничто же горда оучени по возлюбѣ мира паче рати иво жити хотѣ въ братолюбѣи» [18, стб. 623]. То есть возникает противопоставление поведения смиренного Рюрика результатам деяний Игоря, приведших к небывалому до толе разгрому и пленению русских князей весной 1185 г.

Вопрос о следах черниговского летописания в повествовании 1185 г. был поставлен медиевистами уже давно и рассматривался с различной степенью подробности. Д. С. Лихачев видел в южнорусской повести признаки смягченной версии переяславских известий, прошедших именно через фильтр черниговской летописи, составившейся при княжении самого Игоря Святославича [9, с. 186–189].

Б. И. Яценко определял конкретные периоды контроля за летописанием, осуществлявшимся черниговскими князьями в XII в. [29, с. 38]. Однако мысль о посредничестве черниговского вспомогательного источника разделялась не всеми [8, с. 13]. Так, А. А. Зимин, также писавший о трех компонентах южнорусского повествования (черниговском, киевском и переяславском), выстраивал их в иной последовательности [4, с. 43–61].

Уже со времени поставления игумена Сильвестра на епископскую кафедру Переяславля Русского (1118–1123) должны были укрепиться связи, в том числе и книжные, Михайловского

¹ В формировании текста летописного рассказа о походе в Ипатьевской летописи, по мнению исследовательницы, «принимали участие четыре лица: два летописца, составитель рассказа, объединивший фрагменты летописей Рюрика Ростиславича и Святослава Всеволодовича, и редактор Киевского летописного свода Моисей Выдубицкий [24, с. 90]. Вспомним, что А. Г. Кузьмин видел в летописном рассказе 1185 г. одного автора [7, с. 77].

² В подтверждение этого договора был заключен брак. Сын Святослава Всеволодовича женился на дочери Рюрика Ростиславича. Отсюда происходит частая летописная формула «со сватом Рюриком» при упоминании о Святославе Всеволодовиче.

Выдубицкого монастыря с Переяславлем¹. К этому следует добавить, что в детинце Переяславля в 1072 г. тоже был основан Свято-Архангело-Михайловский монастырь, а на рубеже 80–90-х гг. XI в. митрополитом Ефремом там была построена Михайловская церковь. В этом храме молились князья, отправляясь в поход на половцев, здесь были похоронены два сына Владимира Мономаха. До 1077 г. Переяславлем владел Всеволод Ярославич. Не исключено, что основание переяславской обители, как и киевской, связано с этим правителем².

Известно, что до 1190 г. игуменом Выдубицкого монастыря был Андриан, ставший затем епископом Белгородским [18, стб. 666]. Андриана летопись именует духовным отцом Рюрика Ростиславича. К сожалению, мы ничего не знаем о его причастности к летописной работе, но связь Рюрика с Выдубицким монастырем была постоянной и при Андриане, и в дальнейшем при игуменстве Моисея. Князю было выгодно показать предводителя Ольговичей раскаявшимся грешником, изменившим свою политику под ударами судьбы. Возможно, Выдубицкий монастырь пытался играть определенную миротворческую роль. В излишне суровой самооценке Игоря явственно слышится голос книжника, «преданного роду Мономаха», как писал в свое время И. П. Хрущов [25, с. 196].

Таким образом, речь Игоря Святославича – уникальное по форме и содержанию риторико-дидактическое сочинение, инкорпорированное в южнорусскую повесть 1185 г., как можно предположить, в стенах Выдубицкого монастыря с использованием какого-то переяславского источника. Покаянное слово появилось, когда уже были известны подробности Игорева похода, результаты поражения и детали побега новгород-северского князя из плена (в том числе восходящие к черниговским известиям). Это своего рода заключительный штрих в осмыслении события, потрясшего современников. Речь создана человеком высокой книжной культуры, владевшим навыками церковного красноречия. Он

¹ М. Д. Приселков, детализировавший положения шахматовской теории, писал об отражении в последующем летописании двух летописей Переяславля Русского — епископской и княжеской [19, с. 110–117].

² Всеволод Ярославич приходился прапрадедом Рюрику Ростиславичу. Об особом отношении потомков Всеволода к названному монастырю в летописи читаем: «**W(т) того же боголюбиваго Всесолода нже созда ц(е)рк(о)вь тоу родовъ чѣтыри и ни єдинъ же вослѣдова любви его к месту томоу. сеи же бо(го)моудрый князь Рюрикъ патыи бы(сть) w(т) того**» [18, стб. 709].

«заставил» князя-воина каяться с использованием риторических восклицаний и вопросов, антитезы, уподобления, плеоназма, гиперболы, анафоры и синтаксического параллелизма. Подобное аккумулятивное в небольшом летописном фрагменте разнообразных средств и приемов витийства не покажется нарочитым и необъяснимым, если вспомнить, что именно в эту эпоху древнерусское ораторское искусство достигло своих вершин.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бестужев-Рюмин К. О составе русских летописей до конца XIV века (1. Повесть временных лет, 2. Летописи южнорусские). – СПб., 1868.
2. Вилкул Т. Л. О хронографических источниках Киевского летописного свода // ТОДРЛ. – СПб., 2010. Т. LXI.
3. Горский А. А. «Всего еси исполнена земля русская...» Личности и ментальность русского средневековья. Очерки. – М., 2001.
4. Зимин А. А. Ипатьевская летопись и «Слово о полку Игореве» // История СССР. 1968, № 6.
5. Еремин И. П. Киевская летопись как памятник литературы // ТОДРЛ. – М.; Л., 1949. Т. VII.
6. Истрин В. М. Очерки истории древнерусской литературы домосковского периода (XI–XIII вв.). – М., 2003.
7. Кузьмин А. Г. Ипатьевская летопись и «Слово о полку Игореве» (по поводу статьи А. А. Зимина) // История СССР. 1968. № 6.
8. Лимонов Ю. А. Летописание Владимиро-Суздальской Руси. – Л., 1967.
9. Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. – Л., 1947.
10. Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. – Л., 1978.
11. Мильков В. В. Осмысление истории в Древней Руси. – СПб., 2000.
12. Мюллер Л. Взаимоотношения между опубликованными списками «Слова о Законе и Благодати» и «Похвалы Владимиру» митрополита Илариона // Культурное наследие Древней Руси (Истоки, становление традиции). – М., 1976.
13. Полное собрание русских летописей. – М., 1998. Т. II: Ипатьевская летопись.

14. Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. – М., 1993.
15. Рыбаков Б. А. Кто же автор «Слова о полку Игореве» // Рыбаков Б. А. Из истории культуры Древней Руси. Исследования и заметки. – М., 1984.
16. Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники. – М., 1971.
17. Памятники отреченной русской литературы. Собраны и изданы Николаем Тихонравовым (Приложение к сочинению «Отреченные книги древней России»). – М., 1863. Т. II.
18. Приселков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. – СПб., 1996.
19. Соколова Л. В. Политическое и дидактическое осмысление событий 1185 г. в летописях и в «Слове о полку Игореве» // ТОДРА. – СПб., 2006. Т. LVII.
20. Толочко А. О времени создания Киевского свода 1200 г. // Ruthenica. 2006. Т. 5.
21. Толочко П. П. Древняя Русь. Очерки социально-политической истории. – Киев, 1987.
22. Трофимова Н. В. Особенности формы и стилистики плачей в летописных воинских повестях // Вестник славянских культур. 2014. № 1 (31), март.
23. Франчук В. Ю. Формирование текста летописного рассказа Ипатьевской летописи о походе Игоря на половцев в 1185 г. // ТОДРА. – СПб., 2006. Т. LVII.
24. Хрущов И. П. О древнерусских исторических повестях и сказаниях. XI–XII столетия. – Киев, 1878.
25. Чугаева И. Черниговское летописание в Киевском летописном своде: обзор историографии // Ruthenica. 2011. Т. X.
26. Шахматов А. А. Разыскания о русских летописях. – М., 2001.
27. Шеков А. В. Заметки о черниговском летописании XII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 3 (33), сентябрь.
28. Яценко Б. И. Черниговская повесть о походе Игоря Святославича в 1185 г. // Исследования «Слова о полку Игореве». – Л., 1986.
29. Грушевский М. С. Нарис історії Київської землі від смерті Ярослава до кінця XIV сторіччя. – Київ, 1991.
30. Літопис руський / пер. з давньорус. Л.Є. Махновця; відп. ред. О. В. Мишанич. – Київ, 1989.

Об авторе / About author

Алексей Аркадьевич Пауткин – доктор филологических наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1, 119991 г. Москва, Россия. E-mail: apautkin@yandex.ru

Alexey A. Pautkin – DSc in Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University, Leninskie gory, 1, the 1st corpus of humanitarian faculties, 119991 Moscow, Russia. E-mail: apautkin@yandex.ru